

Рындина Анастасия Станиславовна

**НОРМАТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА ЦЕННОСТНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ: СООТНОШЕНИЕ
«ЭКСПЕРТНЫХ» И ОБЫДЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ**

22.00.08 – Социология управления

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Москва – 2022

Работа выполнена на кафедре социологии факультета гуманитарных и социальных наук ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры социологии
Российского университета дружбы народов
Троцук Ирина Владимировна

Официальные оппоненты: доктор социологических наук, профессор,
заместитель декана факультета журналистики
Института государственной службы и
управления Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Шарков Феликс Изосимович

доктор социологических наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической
социологии и менеджмента
Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
Барков Сергей Александрович

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры социологии
и социальной работы
Брянского государственного университета
им. академика И.Г. Петровского
Ширина Светлана Александровна

Защита состоится «__» июня 2022 года в ____ часов на заседании Диссертационного совета ПДС 1000.002 в ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» по адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2, ауд. 415.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского университета дружбы народов, а также на официальном сайте организации по адресу: <http://dissovet.rudn.ru>

Автореферат разослан «__» мая 2022 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
доктор социологических наук

Троцук И.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность тематики исследования

В последние годы все больше стран и объединений заявляют о необходимости управления аксиологическим комплексом и защиты «своих» ценностей¹. Например, страны Европейского Союза постулируют формирование общеевропейской идентичности и солидарности на основе комплекса общеевропейских ценностей (человеческое достоинство, свобода, демократия, равенство, верховенство закона и права человека)². Национальные особенности систем ценностей закрепляются, прежде всего, с помощью нормативно-правовых инструментов (например, в России это фундаментальные нормативно-правовые акты, закрепляющие общие векторы развития – Конституция, федеральные конституционные законы; нормативно-правовые акты, регламентирующие разные виды общественных отношений) и продвигаются официальным государственным дискурсом (в выступлениях высших должностных лиц), в том числе, посредством апелляции представителей власти к общеизвестным традициям и своеобразным ценностным установкам, фиксируемым опросами общественного мнения. Российская Федерация не является исключением – в последние годы в нашей стране были официально закреплены основные ценностные приоритеты государства, обоснованные как историческим прошлым, так и проблемами дня сегодняшнего, способными привести к негативным социальным последствиям в будущем³.

Подобное ценностно нагруженное нормотворчество воспринимается неоднозначно, но большинство аргументов «за» и «против» здесь можно свести к тому, что государство «документирует» прекрасные и бесспорные идеалы, не предлагая четких стратегий их реального достижения⁴. Усугубляет ситуацию и то, что ценностная политика регулятора⁵ выглядит в глазах общества как недостаточно взвешенная и продуманная, если сопоставлять официальные декларации государственных должностных лиц на крупных медийных площадках с тем,

¹ См., напр.: European Union: Aims and Values // https://european-union.europa.eu/principles-countries-history/principles-and-values/aims-and-values_en; Western values increasingly endangered by terrorism and extremism, Trump warns Europe // https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2017/07/06/in-poland-trump-reaffirms-commitment-to-nato-chides-russia/?hpid=hp_hp-top-table-main_trumppoland-9a%3Ahomepage%2Fstory; China Campaigns Against 'Western Values,' but Does Beijing Really Think They're That Bad? // <https://time.com/4312082/china-textbooks-western-values-foreign-ngo> и др.

² См., напр.: Consolidated version of the treaty on European Union // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12016M/TXT#d1e1011-1-1>.

³ См., напр.: Указ Президента РФ от 3 июля 2020 года №445 «Об официальном опубликовании Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками»; «Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная распоряжением Правительства от 25 августа 2014 года №1618-р; «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 года №1666; «Основы государственной культурной политики», утвержденные Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 года №808; «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденная распоряжением Правительства от 29 мая 2015 года №996-р; Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ и др.

⁴ «Вечную» социологическую проблему (насколько в принципе можно формировать и управлять ценностным комплексом) оставим за скобками диссертационного исследования.

⁵ Государство как социальный институт, регулирующий, упорядочивающий и направляющий общественные взаимоотношения.

что они говорят в более «узком» кругу (на встречах с населением, во время заседаний профильных комитетов или встреч с представителями общественных организаций, отвечая в комментариях в социальных сетях и т.д.).

Так, в условиях пандемии коронавируса многие государственные меры имеют ограничивающий характер – запрет на перемещения и посещения социальных объектов, обязательное ношение средств индивидуальной защиты, добровольно-принудительная вакцинация (за показатели которой отвечали региональные власти и работодатели) и т.д. При этом введенные государством правила часто не только не подкреплялись должным поведенческим примером представителей руководящего состава, но и напрямую ими игнорировались, а при опубликовании в СМИ не несли для «нарушителей» никаких наказаний. Высшие государственные чиновники не всегда следуют тем декларируемым ценностным принципам, с помощью которых сами обосновывают для населения правильность, необходимость и неизбежность соблюдения новых жизненных правил «в интересах общего блага». Например, на фоне объявленной в России всеобщей вакцинации против новой коронавирусной инфекции, низкие темпы которой говорили об отсутствии у населения должного воодушевления и вынудили профильные министерства и ведомства вводить санкции, превратив добровольную вакцинацию (о чем неоднократно заявлял на центральных телеканалах президент), по сути, в принудительную, пресс-секретарь президента на официальной встрече с журналистами сообщил, что он не вакцинировался и не собирается, потому что у него «слишком высокий уровень антител, чтобы делать прививку»⁶.

В СМИ постоянно появляется информация о не скрываемых от общества событиях из жизни ключевых должностных лиц государства, которые противоречат их традиционно-ценностным декларациям: развод президента и несколько разводов его пресс-секретаря; попытки сокрытия⁷ вида на жительство другого государства или иностранного гражданства⁸; проживание детей чиновников за границей, в тех странах, чьи антиценности их родители-госслужащие постоянно критикуют; нарушение госслужащими законодательства не только России, но и иностранных государств и т.д. Иными словами, налицо рассогласованность многих освещаемых в СМИ действий и высказываний чиновников с пропагандируемыми ими в ходе официальных мероприятий и заявлений ценностей, что ведет к еще большему дистанцированию власти от общества, а, значит, к неприятию спускаемых регулятором «сверху» ценностных моделей.

Другой аспект актуальности рассматриваемой проблематики обусловлен тем, что воздействие на систему ценностей особенно важно для обществ, социальная структура которых нестабильна и/или в них меняется нормативно-ценностная модель. Согласно Р. Инглхарту, в последние десятилетия в российском обществе наблюдалось усиление модернизационного вектора в направлении

⁶ Песков заявил, что не вакцинировался, потому что у него «слишком высокий уровень антител» // https://tass.ru/obschestvo/12711173?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.

⁷ До принятия 1 июля 2021 года пакета законов об общем запрете для государственных и муниципальных служащих иметь второе гражданство или вид на жительство за рубежом.

⁸ Слишком много паспортов: Брилева выгнали из Минобороны // https://www.gazeta.ru/culture/2019/03/14/a_12242587.shtml.

«потребительских ценностей»⁹ на фоне сохранения элементов советской аксиологии (благодаря поддержке поколениями «беби-бумеров» и «перестройки»¹⁰), а в последние несколько лет к этому ценностному комплексу добавилось акцентирование «сверху» как жизненно важных для сохранения государственности «традиционных общероссийских ценностей» («скреп»¹¹).

Таким образом, наблюдающиеся целенаправленные изменения российской общественной аксиологии поднимают важные вопросы для социологии управления: как можно вычленить декларируемый ценностный комплекс из массива информационных источников и документов; как этот комплекс соотносится с ценностными ориентациями населения и своих «проводников» (госслужащих); чем обусловлены рассогласования в должном/декларируемом и реальном/наблюдаемом не только у населения, но и у тех, в чьи профессиональные обязанности входит продвижение измененного/дополненного ценностного комплекса.

Степень научной разработанности проблематики

Диссертационное исследование основано на нескольких группах научных источников. Во-первых, это работы в рамках междисциплинарной теории ценностей, которая первоначально оформилась как философская концепция, и ее истоки связывают с трудами И. Канта¹² (мораль как должное, ее взаимоотношения со свободой человека, объективные цели, абсолютные ценности и т.д.), поскольку последующие философские концепции либо опирались на них, либо критиковали трансцендентальный подход. Так, представители неокантианства (Р.Г. Лотце¹³, В. Виндельбанд¹⁴, Г. Риккерт¹⁵) изучали понятия «переоценка ценностей», «ценностное обесценивание», «мнимые ценности», «руководящие культурные ценности», «ценности и оценки». Р.Б. Перри¹⁶ и Дж. Дьюи¹⁷, пред-

⁹ См., напр.: Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М., 2018. С.328-329.

¹⁰ Годы рождения этих поколений – с 1944 по 1973.

¹¹ См., напр.: Послание Президента Федеральному Собранию 12 декабря 2012 года // <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>; Институт социологии РАН выиграл конкурс на написание научно-исследовательской работы о «духовных скрепах» // <https://lenta.ru/news/2013/10/02/ran/>; Председатель Конституционного суда России В. Зорькин: Право – и только право. О вопиющих правонарушениях, которые упорно не замечают // <https://rg.ru/2015/03/23/zorkin-site.html>; Избранный в Госдуму телеведущий поставил скрепы выше благополучия страны // <https://lenta.ru/news/2016/09/21/skrepi> и др.

¹² См., напр.: Кант И. Основы метафизики нравственности; Критика практического разума; Метафизика нравов / Вступ. ст. Я.А. Силина. СПб., 1995; Кант И. Критика способности суждения. СПб., 2006; Кант И. К вечному миру. М., 2020.

¹³ См., напр.: Лотце. Микрокосм. Т.2. М., 1866.

¹⁴ См., напр.: Виндельбанд В. Прелюдии. Философские речи и статьи. СПб., 1904; Виндельбанд В. Философия культуры: Избранное. М., 1994.

¹⁵ См., напр.: Риккерт Г. Ценности жизни и культурные ценности. М., 1912-1913; Риккерт Г. Два пути теории познания // Новые идеи в философии. 1913. Т.7; Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. М., 1995; Риккерт Г. Философия жизни. СПб., 1922.

¹⁶ См., напр.: Perry R.B. General Theory of Value. N.Y., 1926; Perry R.B. Present Philosophical Tendencies: A Critical Survey of Naturalism, Idealism, Pragmatism, and Realism, together with a Synopsis of the Philosophy of William James. N.Y., 1912.

¹⁷ См., напр.: Дьюи Дж. Общество и его проблемы / Пер. с англ. И.И. Мюрберг, А.Б. Толстова, Е.Н. Косиловой. М., 2002; Дьюи Дж. Реконструкция в философии / Пер. с англ. М. Занадворова, М. Шикова. М., 2001; Дьюи Дж. Обычай и привычка // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века / Сост. и пер. В.Г. Николаев, отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2010.

ставители натуралистического психологизма, объясняли формирование ценностей биопсихологическими потребностями человека, но они не объясняют многообразие ценностей, в отличие от социокультурных факторов.

Значительное развитие теория ценностей получила в трудах представителей феноменологического направления (Э. Гуссерля¹⁸, М. Шелера¹⁹, Н. Гартмана²⁰), экзистенциализма (Ж.П. Сартр²¹, А. Камю²²) и герменевтики (Х.-Г. Гадамер²³, П. Рикер²⁴), но особенно у М. Хайдеггера²⁵.

Классические социологические теории ценностей берут начало в работах Э. Дюркгейма²⁶: ценности – основа социального согласия, поэтому основные социальные явления (религия, мораль, право, экономика) – системы ценностей, или социальных идеалов. Начиная с работ М. Вебера, акцент в теории ценностей смещается в условно культурологическую и управленческую плоскости. Веберовское истолкование ценности опирается на неокантианскую трактовку ценности как нормы. В отличие от Риккерта, который считал ценности надысторическими, для Вебера²⁷ «мирские ценности» – свойственное эпохе направление интереса.

В трудах Т. Парсонса²⁸ и других социологов (Р. Мертон²⁹, Н. Лумана³⁰, У. Томаса и Ф. Знанецкого³¹, Дж. Хоманса³², П. Блау³³ и др.) ценности обретают обобщенно-методологическую трактовку, т.е. социологическое изучение ценностей продвигалось от теоретических концепций к методологическим построениям, позволяющим описывать роль ценностей в институционализированном выполнении социальными системами функций сохранения и воспроизводства культурного образца, а затем к эмпирико-инструментальным моделям на основе понятий «ценностные ориентации» и «социальные установки».

¹⁸ См., напр.: Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т.3 (1) / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М., 2001.

¹⁹ См., напр.: Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.

²⁰ См., напр.: Гартман Н. Систематическая философия в собственном изложении // Фауст и Заратустра. СПб., 2001.

²¹ См., напр.: Сартр Ж.-П. Тошнота: Избранные произведения / Пер. с фр. В.П. Гайдамака; вступ. ст. С.Н. Зенкина. М., 1994; Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Пер. с фр. М. Грецкого. М., 1953.

²² См., напр.: Камю А. Избранное. М., 1990.

²³ См., напр.: Гадамер Х.-Г. Истина и метод / Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М., 1988.

²⁴ См., напр.: Рикер П. Политика, экономика, общество. Рукописи и выступления / Пер. с фр. И.С. Вдовиной. М., 2021; Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.

²⁵ См., напр.: Хайдеггер М. Письмо о гуманизме; Слово // Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993.

²⁶ См., напр.: Дюркгейм Э. Моральное воспитание / Пер. с фр., вступ. ст., примеч. А.Б. Гофмана. М., 2021; Дюркгейм Э. Ценностные и «реальные» суждения // Социологические исследования. 1991. №2.

²⁷ См., напр.: Вебер М. Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М., 1990.

²⁸ См., напр.: Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000; Парсонс Т. Социальные системы // Вопросы социальной теории. 2008. Т.П. Вып.1; Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1996.

²⁹ См., напр.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

³⁰ См., напр.: Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Пер. с нем. И.Д. Газиева, под ред. Н.А. Головина. СПб., 2007; Луман Н. Общество общества: Кн. 4: Дифференциация / Пер. с нем. Б. Скуратова; Кн.5: Самоописания / Пер. с нем. А. Антоновского, Б. Скуратова, К. Тимофеева. М., 2010; Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М., 2005.

³¹ См., напр.: Томас У., Знанецкий Ф. Методологические заметки // Американская социологическая мысль / Под ред. В.И. Добренкова. М., 1994.

³² См., напр.: Хоманс Дж. Социальное поведение: его элементарные формы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2001. №2.

³³ См., напр.: Blau P. Exchange and Power in Social Life. N.Y., 1986.

Вторая группа работ, на которые опирается диссертационное исследование, посвящена методикам эмпирического изучения ценностного многообразия. Так, М. Рокич³⁴ разработал метод измерения ценностей посредством прямого ранжирования их списков. Его распространенными модификациями выступают методики Д.А. Леонтьева³⁵ и Ш. Шварца³⁶. Методика изучения ценностных ориентаций на основе концепции А. Маслоу была предложена Р. Инглхарт³⁷, ее модифицировали Б. Шледер и Х. Клагес³⁸. Проективные методики для проверки полноты предложенных списков ценностей разработал Г. Олпорт³⁹. Методику изучения жизненных ценностей предложил А.П. Вардомацкий⁴⁰.

Третья группа работ – эмпирические исследования ценностных ориентаций, которые проводятся Институтом социологии и Институтом социально-политических исследований РАН, Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН, Фондом «Общественное мнение», Всероссийским центром изучения общественного мнения и др. Результаты исследований ценностных ориентаций российского общества представлены в работах А.В. Андреевской⁴¹, Л.А. Беляевой⁴², М.К. Горшкова⁴³, Ж.Т. Тощенко⁴⁴, В.С. Магуна⁴⁵, Н.Е. Тихоновой⁴⁶ и др.

³⁴ См., напр.: Rokeach M. Beliefs, Attitudes and Values. San Francisco, 1968; Rokeach M. The Nature of Human Values. N.Y., 1973.

³⁵ См., напр.: Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М., 1992.

³⁶ См., напр.: Schwartz S. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? // Journal of Social Issues. 1994. №4; Schwartz S. Universals in the structure and content of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // М.Р. Zanna (Ed.). Advances in Experimental Social Psychology. Orlando, 1992.

³⁷ См., напр.: Inglehart R. The silent revolution in Europe: Intergenerational change in post-industrial societies // American Political Science Review. 2013. Vol.65. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Политические исследования. 1997. №4; Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М., 2011.

³⁸ См., напр.: Шледер Б. Структура ценностных ориентаций. Эмпирическое исследование // Иностранная психология. 1994. Т.2. №20

³⁹ См., напр.: Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды / Пер. с англ. Л.В. Трубицыной, Д.А. Леонтьева; под общ. ред. Д.А. Леонтьева. М., 2002; Олпорт Г.В. Личность в психологии. СПб.-М., 1998.

⁴⁰ См., напр.: Вардомацкий А.П. Аксио-биографическая методика // Социологические исследования. 1991. №7.

⁴¹ См., напр.: Андреевская А.В. Стабильность и изменения социальных установок россиян и европейцев в 2002-2016 гг. // Социологические исследования. 2018. №10; Андреевская А.В. Постматериалистические и материалистические ценности в России // Социологические исследования. 1994. №11.

⁴² См., напр.: Беляева Л.А. Структура ценностей, социальное самочувствие и трудовая мотивация населения современной России // Вестник РГНФ. 2007. №3; Беляева Л.А. Аксиологические основания теории человеческих потребностей // Философия и наука. 2016. Т.15; Беляева Л.А. Социальное и культурное пространство регионов России // Философские науки. 2016. №1.

⁴³ См., напр.: Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М., 2020; Российская идентичность в социологическом измерении / Под общ. ред. М.К. Горшкова. М., 2008; Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2005; Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Авт.-сост. Е.П. Добрынина; под общ. ред. М.К. Горшкова. М., 2007.

⁴⁴ См., напр.: Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.

⁴⁵ См., напр.: Магун В.С., Руднев М., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. №3-4; Руднев М.Г., Магун В.С. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2011. №4; Магун В.С., Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. 2010. №3-4.

⁴⁶ См., напр.: Тихонова Н.Е. Особенности идентичностей и мировоззрения основных страт современного российского общества // Мир России. 2020. Т.29. №1; Аникин В.А., Тихонова Н.Е. Интересы личности, государства и общества в массовом восприятии населения // Российское общество и вызовы времени. Кн.3 / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М., 2016; Тихонова Н.Е. Мечты россиян «Об обществе» и «О себе»: можно ли

В четвертой группе работ рассмотрены разные аспекты государственного дискурса в рамках ценностной проблематики⁴⁷, включая социокультурные детерминанты нормативно-правовой деятельности (сопряженность права и морали)⁴⁸ и ценностные аспекты правопонимания⁴⁹.

Цель и задачи исследования

Цель исследования – сравнительный анализ трех групп ценностей – закрепленных в нормативно-правовых актах, приоритетных для государственных служащих и устойчивых в российском общественном сознании.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- систематизировать теоретико-методологические основания изучения ценностей в контексте сопоставления официально декларируемого и социологически диагностируемого;

говорить об особом российском цивилизационном проекте? // *Общественные науки и современность*. 2015. №1; Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностной системы российского общества: 1995-2010 годы // *Общественные науки и современность*. 2011. №4.

⁴⁷ См., напр.: Аксенова О.В. Идеология индустриализма в России: ценностные основания // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2017. №2; Верховский А., Паин Э. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // *Идеология особого пути в России и Германии: истоки, содержание, последствия* / Под ред. Э. Паина. М., 2010; Гудков Л.Д. Ресентиментный национализм // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2014. №3–4; Левинская Я.В. Аксиологический дискурс в современной России: к проблеме рецепции традиционализма // *Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций*. Вып.1 / Отв. ред. О.Н. Ноговицин. СПб., 2021; Масловский М.В. Цивилизационный дискурс российской политической элиты в контексте интерпретаций модерности // *Власть и элиты*. 2019. Т.6. №1; Пальцев А.И. Постмодернистский либерализм как средство изменения цивилизационного кода ментальной сферы России // *Власть*. 2012. №11; Розанова Н.Н., Сухова Е.Е. Репутационное пространство российской власти: закономерности функционирования // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2021. Т.16. №6; Шарков Ф.И. Конвергенция элементов политического медиапространства // *Политические исследования*. 2017. №3; Шарков Ф.И., Понедельков А.В., Васьков М.А. О роли политико-административных элит в инновационно-коммуникационном развитии современной России // *Коммуникология*. 2019. Т.7. №3; Киселев А.Г., Шилина С.А. Управленческий дискурс как социальная коммуникативная технология в системе отношений государства и социума. М., 2017; Шилина С.А. Политический дискурс как разновидность управленческого дискурса: подходы к определению и интерпретации // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2017. Т.17. №1; Шилина С.А., Штельмухова М.А. Отражение социальной политики государства по укреплению института семьи в управленческом дискурсе (на основе социологического опроса) // *Дискурс*. 2017. №8 и др.

⁴⁸ См., напр.: D'Entrèves A.P. *Natural Law. An Introduction to Legal Philosophy*. L., 1952; Austin J. *Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law*. L., 1873; Кельзен Г. *Чистое учение о праве*. М., 1987; Петражицкий Л.И. *Теория права и государства в связи с теорией нравственности*. СПб., 2000; Кистяковский Б.А. *Право как социальное явление* // *Социологические исследования*. 1990. №3; Гурвич Г.Д. *Философия и социология права*. СПб., 2004; Иеринг Р. *Борьба за право* / Пер. С.И. Ершова. М., 1991; Эрлих О. *Основоположение социологии права* / Пер. с нем. М.В. Антонова; под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб., 2011; Holmes O.W. *Ideals and doubts; Natural law; The path of the law; Law and the social factor* // *The Essential Holmes: Selections from the letters, speeches, judicial opinions and other writings of Oliver Wendell Holmes Jr.* / Ed. and with introduction by R.A. Posner. Chicago–L., 1992; Frank J. *Law and the Modern Mind*. L., 1949; Llewellyn K.N. *Jurisprudence. Realism in the Theory and Practice*. Chicago, 1962; Алексеев С.С. *Тайна права. Его понимание. Назначение. Социальная ценность: Резюме с претензией*. М., 2001; Керимов Д.А. *Социология и правоведение* // *Государство и право*. 1999. №8 и др.

⁴⁹ См., напр.: Бачинин, В.А. *Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья* // *Государство и право*. 2001. №5; Козловский А.А. *Философско-гносеологические основания законодательных определений* // *Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические и практические проблемы* / Под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. Нижний Новгород, 2007; Мамут Л.С. *Государство в ценностном измерении*. М., 1998; Малахов В.П., Эриашвили Н.Д. *Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории*. М., 2017; Мальцев Г.В. *Нравственные основания права*. М., 2008; Мальцев Г.В. *Бюрократия как правовая и моральная проблема*. М., 2009; Поляков А.В. *Либертарное правопонимание и коммуникативный подход* // *Правоведение*. 2014. №3; Поляков А.В., Антонов М.В. *Правовая коммуникация и современное государство* // *Правоведение*. 2011. №6 и др.

- охарактеризовать ценностные приоритеты российского общества по материалам крупномасштабных исследовательских проектов;
- реконструировать аксиологическую систему, зафиксированную в ценностно нагруженных государственных документах;
- сопоставить ценностные приоритеты «проводников» этой системы (государственных гражданских служащих) с ее стратегическими задачами, сравнив самооценку госслужащих с внешней экспертной оценкой.

Объект исследования – нормативно-дискурсивные инструменты формирования ценностной системы общества.

Предмет исследования – соотношение системы ценностей, зафиксированной в нормативно-правовых актах, с приоритетами «проводников» этой системы и общественного сознания.

Теоретико-методологические основания исследования

Диссертационное исследование основано на междисциплинарном подходе: с одной стороны, это концептуальные построения и методологические разработки на стыке разных дисциплин, позволяющие провести теоретическую и эмпирическую интерпретацию понятия «ценность» в социолого-управленческом контексте; с другой стороны, это сочетание разных методических решений в разработке модели социологического мониторинга успешности нормативно-правового регулирования ценностного состояния общественного сознания. Возможности и ограничения нормативно-дискурсивного воздействия на социальные ценности изучаются с использованием сравнительного и системного подходов: в первом случае сопоставляются ценностные комплексы разных социальных «акторов»; во втором случае подчеркивается сложный характер взаимодействия и взаимной оценки этих «акторов». Методической основой эмпирической части диссертационного исследования стало сочетание контент-анализа и экспертного опроса (в формате онлайн-анкетирования и полуструктурированного интервью).

Эмпирическая база исследования

Диссертационное исследование опирается на несколько типов данных: во-первых, на материалы исследовательских проектов, посвященных диагностике состояния и изменений ценностных ориентаций российского общества; во-вторых, на результаты контент-анализа, позволившего систематизировать ценностные приоритеты, зафиксированные в нормативно-правовых актах и государственном дискурсе; в-третьих, на данные разведывательных опросов, проведенных автором в 2021 году среди государственных гражданских служащих Департамента государственных целевых программ и капитальных вложений Министерства экономического развития РФ (опрошено 20 человек) и экспертов – членов Московской торгово-промышленной палаты (предпринимателей, владельцев бизнеса) и сотрудников, занимающих руководящие должности в крупной российской компании, производящей медицинскую и косметическую продукцию, в том числе для нужд государства (опрошено 39 человек).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. уточнен категориальный аппарат социологического анализа аксиологической проблематики в управленческом контексте;
2. обоснован формат социологического анализа ценностных приоритетов через нормативно-правовую «оптику»;
3. разработана и апробирована модель социологической диагностики рассогласования нормативно-декларативных идеалов и ценностных приоритетов общественного сознания, включая оценку «промежуточного» звена между ними (общих и профессиональных ценностных ориентаций государственных гражданских служащих);
4. проведен анализ нормативно-правовых актов, закрепляющих ценностные приоритеты развития страны, что позволило составить перечень базовых национальных ценностей и антиценностей и сопоставить их с результатами опросов общественного мнения;
5. сформулированы гипотезы о причинах рассогласования декларируемого/должного в нормативно-правовых документах с ценностными приоритетами населения, которые были частично проверены (подтверждены) в разведывательном исследовании и закладывают фундамент для дальнейших эмпирических поисков прикладного характера;
6. разработан и апробирован формат экспертного опроса для сопоставления самооценки и внешней оценки государственных служащих как «проводников» официального ценностного курса.

Научная новизна исследования подтверждается его выводами и обобщена в **положениях, выносимых на защиту**:

1. Опираясь на философскую традицию работы с понятием «ценность», социологические теории смещают исследовательские акценты в нормативно-регулятивную и методологическую плоскости. Второй вектор привел к формированию ставших классическими понятий «ценностная ориентация» и «социальная установка». В диссертации рассмотрен первый, нормативно-регулятивный вектор, согласно которому формулировки ценностей проясняют для каждой социальной системы на специфическом для нее языке ее фундаментальные цели и степень отклонения от них («подтасовка ценностей»; «неоспоримые ценности», включенные в повседневное языковое обращение и нормотворчество; транслируемые СМИ ценностные ориентиры; ценностные иерархии; ценностный консенсус; «транзитивность отношения множества ценностей»; «нормативно-ценностная система»; стратегическая цель политического режима – создание системы базовых ценностей, которые бы воспринимались подавляющим большинством). Следует признать исторический переход теории ценностей от онтологических и гносеологических акцентов к методологическим и инструментальным, которые постепенно обрели и общепризнанное методическое выражение.
2. Методический инструментарий теории ценностей позволяет проводить широкомасштабные (сравнительные) социологические исследования, как правило, на основе списков универсальных, «базовых» ценностей и делать выводы о

поколенческих, социально-демографических и иных различиях внутри и между странами. В подобных списках следует выделять два уровня (в духе М. Вебера и согласно разработкам Ш. Шварца) – нормативные идеалы (официальные декларации государственной риторики и ценностно нагруженных нормативно-правовых документов, своего рода зафиксированные государством «интересы эпохи») и индивидуальные/групповые приоритеты (ценностные ориентации и реальное поведение в соотношении с набором «интересов эпохи»). Социологический анализ призван оценить разрыв между правом книжно-нормативным и реально-обыденным, поскольку правовые нормы не должны противоречить общественной системе ценностей, и правовая система должна отражать ценностный запрос общества.

3. В исследовании соотношения нормативно-дискурсивных деклараций и «реальных» ценностей возможны разные сочетания следующих методических решений: реконструкция ценностного «измерения» общественного сознания на основе опросных данных; изучение нормативно-правовых актов (контент-анализ ценностно нагруженных государственных документов стратегического типа); анализ официальной и полу/неофициальной частей государственного дискурса (программных выступлений руководителей государства и высказываний высших должностных лиц, которые становятся «крылатыми фразами»); кейс-стади (изучение нормативно-правовой базы деятельности отдельных государственных структур; опрос сотрудников/госслужащих относительно их общих и профессиональных ценностей, представлений о российском обществе и своей работе; экспертный опрос – тех, кто непосредственно взаимодействует с данной группой чиновников).
4. Приоритеты основных ценностно нагруженных нормативно-правовых актов имеют «согласованно» традиционную направленность – религиозность, семейные ценности, общероссийская культурная идентичность и патриотизм. Декларативно россияне разделяют и поддерживают эти ценности, и на карте Инглхарта-Вельцеля наметился ценностный сдвиг в сторону традиционных ценностей, но пока страна остается на нижней границе светско-рациональной «зоны». Однако практически по всем традиционным ценностям прослеживаются противоречия: так, россияне патриотичны в том смысле, что доверяют традиционным столпам общества (социальным институтам), но при этом убеждены в их системной коррумпированности; порицается проституция и случайные сексуальные связи, но считаются нормальными развод, аборт и сексуальные отношения до брака; большинство верит в Бога и считает себя православными, но не воцерковлены (нарастает секуляризация) и т.д.
5. Россияне в целом поддерживают декларируемые государством «национальные скрепы», но проблемы общественной морали и социального единства для людей менее приоритетны, чем задачи выживания и поддержания приемлемого уровня жизни. Вторая причина рассогласования декларируемого/должного и реальных ценностных приоритетов населения – резонансные антиценностные высказывания официальных «пропагандистов» традиционных ценностей (высших должностных лиц государства), идущие вразрез с деклариру-

емым ценностным курсом государства и, по сути, выступающие для населения моделью «двоемыслия»/«двойных стандартов» со стороны «референтной группы», а также подкрепляющие негативные стереотипизации «чиновника». Подмену ценностей у высоких должностей население наблюдает скорее дискурсивно (в их высказываниях), но игнорирование ценностных приоритетов государства его служащими непосредственно взаимодействующие с ними группы видят в повседневном взаимодействии с ними.

6. Перечисленные группой экспертов реальные ценности чиновника в большинстве своем негативны и материалистичны. Госслужащие в целом понимают, как их воспринимают, и фактически признают, что российское чиновничество – своего рода «сословие», состоящее из «образованных, компетентных специалистов», но «озабоченных только своими привилегиями и доходами». Для госслужащих более лично значимыми оказались абстрактно-декларативные ценности (но не справедливость) и привилегии госслужбы (защищенность и гарантии), чем ценности регулятивно-процедурного типа (подчинение, порядок, ротация, информационная открытость). В условиях законодательного закрепления традиционной системы ценностей, неопределенное к ней отношение общества может объясняться, в том числе, «управленческими разрывами» в трансляции ценностного комплекса вследствие низкой корпоративной культуры и профессионального этоса госслужащих. Эксперты объясняют эту не столько коррумпированностью и формализмом, сколько подменой служения обществу сохранением «сословных» преимуществ.

Научно-практическая значимость диссертационной работы

Результаты и выводы исследования уточняют теоретико-методологические основания и категориальный аппарат социологического анализа нормативно-дискурсивного воздействия на ценностную систему общества. В диссертации разработана и апробирована модель эмпирического исследования этого воздействия, основанная на сочетании методических решений: контент-анализ нормативно-правовых актов и государственного дискурса; вторичный анализ данных массовых опросов; экспертный опрос (анкетирование и интервью). Эта модель может лечь в основу эмпирических исследований по аналогичной проблематике, поскольку допускает разные комбинации перечисленных методик.

Результаты диссертационного исследования могут использоваться в учебном процессе, в частности, как иллюстративный материал при разработке учебных курсов по социологии управления, общей социологии, социологии организаций, социологии общественного мнения и государственному и муниципальному управлению, а также при подготовке программ повышения квалификации для государственных служащих.

Материалы исследования могут стать обоснованием изменения и дополнения должностных регламентов для государственной гражданской службы в интересах «ценностного просвещения» госслужащих в форме семинаров, тренингов и курсов, где они будут знакомиться с результатами опросов общественного мнения и экспертными оценками. Предложенный формат кейс-стади может использоваться в мониторинговых самообследованиях подразделений госслужбы.

Апробация результатов

Основные положения диссертационного исследования изложены в 6 опубликованных работах общим объемом 4,8 п.л., в том числе в 3 статьях в изданиях из Перечня РУДН. Материалы исследования обсуждались на международных и российских конференциях, в том числе на ежегодной научной конференции молодых ученых «Диалог цивилизаций: Восток-Запад» (Москва, РУДН, 2014, 2016), международной молодежной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (Москва, МГУ, 2015), ежегодном Всероссийском Фестивале науки (Москва, РУДН, 2013, 2014), ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Актуальные вопросы социологической науки: теория, методология, практика» (Москва, РУДН, 2018), XIII Фестивале науки в Москве (РУДН, 2018).

Структура диссертации: работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, включающей в себя 306 источников, и трех приложений. Общий объем диссертационной работы без библиографии – 8 п.л.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы и ее актуальность, характеризуется степень изученности проблемы, теоретико-методологические основания диссертационного исследования, его объект, предмет, цель и задачи.

В **первой главе** обозначены «**Теоретико-методологические основания изучения ценностей в социологии**». В *первом параграфе* представлен «**Категориальный аппарат теории ценностей**» – как результат исторического развития междисциплинарного предметного поля, в ходе которого обобщенное определение ценностей включило в себя следующие характеристики: задают цели-принципы жизни; образуют ядро культуры; связаны с целеполагающей деятельностью; имеют надличностный, иногда внеисторический характер; позволяют разделить мир сущего и мир должного; задают предельные рамки социальной деятельности; выступают факторами социальной регуляции.

В параграфе охарактеризованы векторы развития теории ценностей: во-первых, это концептуальные разработки, опирающиеся на или критикующие трансценденталистский подход И. Канта, согласно которому ценности соотносятся с объективностью высших целей, а не природных вещей, поэтому в культуре можно вычленить всеобщий ценностно-регулятивный элемент. Представители неокантианства наделили ценности системными характеристиками – это идеальные нормы культуры, значащие категории, поэтому возможна их «переоценка». Противостоит трансцендентальному направлению натуралистический психологизм, объясняющий формирование ценностей биопсихологическими потребностями.

Во-вторых, это переход от чисто теоретических построений к методологическим. Так, для Э. Дюркгейма ценности образуют объективное основание социального согласия: ключевые социальные явления – это системы ценностей. М. Вебер трактует «мирские ценности» как свойственное эпохе направление интереса; ценности являются фундаментальными нормами всех видов действий. У Т. Парсонса ценности обретают обобщенно-методологический смысл: социальные системы – сочетание ценностей, норм, коллективов и ролей, и ценности играют ведущую регулятивную роль в выполнении функции сохранения и воспроизводства образца. Р. Мертон описал разные степени ценностного конфликта. Ч. Миллс подчеркивал, что социальное равновесие поддерживается социализацией и контролем, т.е. «ценностные ориентиры» и «нормативная структура» помогают узаконивать власть, оправдывая институты. Согласно Н. Луману, аксиологические структуры социальных систем выступают их границами, «неоспоримые ценности» включены в повседневное языковое обращение и законотворчество. Теории социального обмена рассматривают ценности и нормы на макроуровне – как основания властных отношений и способ поддержания стабильности социальной системы: стратегическая цель политического режима – создание системы базовых ценностей, которые бы воспринимались подавляющим большинством. У. Томас и Ф. Знанецкий уточнили, каков механизм этого восприятия, введя понятие социальной установки, т.е. ценностные идеалы неокантианской традиции обрели эмпирико-инструментальное значение. Ценность – это средство, позволяющее регулировать и упорядочивать общественные взаимодействия, и значимое благо (духовное или материальное), стремление к которому рассматривается как ценностная ориентация.

Во *втором параграфе «Развитие методического инструментария теории ценностей»* охарактеризованы возможности эмпирического измерения ценностей, обусловившие широкое распространение сравнительных проектов. В параграфе суммированы преимущества, ограничения и модификации наиболее известных методик: изучения иерархии ценностных ориентаций М. Рокича (на основе ранжирования списков терминальных и инструментальных ценностей); ценностных типов Ш. Шварца (10 типов из 57 ценностей на двух биполярных осях); разделения ценностей на «материалистические» и «постматериалистические» Р. Инглхартом. Р. Инглхарт и К. Вельцель дополнили методическое измерение ценностей практически-интерпретационным – противопоставив традиционные ценности светско-рациональным, а ценности выживания – ценностям самовыражения. Диссертационное исследование опирается на подход Инглхарта: для определения ценностного вектора общества можно использовать систему координат «традиционные/светско-рациональные ценности» и «ценности выживания/самовыражения», причем первая ось созвучна декларируемой ценностной политике российского государства.

Поскольку государство – социальный институт, кодифицирующий свод ценностей в нормативно-правовой системе, в *третьем параграфе* охарактеризовано «*Соотношение ценностной и нормативно-правовой систем*»: правовая система задает некий «идеал» общественных отношений; нормотворчество

закрепляет не только узко юридические, но и общечеловеческие ценности. Акцент сделан на естественно-правовом направлении, рассматривающем право в тесной связи с моралью (ценностные основания социальной жизни со временем кристаллизуются в законодательстве) и противостоящем юридическому позитивизму (право без ценностного содержания). Несоответствие «живого права» и права позитивного приводит к чисто формальному действию норм второго, т.е. формальное право должно меняться в соответствии с ценностными изменениями в «живом праве», что и определяет необходимость эмпирических исследований в данной сфере – юридических фактов (анализ правовых документов), правовых предложений (в разных правовых культурах) и правообразующих сил (социальные процессы, которые ведут к созданию и изменению правовых норм).

Представители институциональной школы уточнили, что государство не может охватить все «живое право», поэтому обладает не приоритетом нормативно-правового регулирования, а правом легализации/фиксации правовых норм. Ж. Гурвич выводит отсюда определение общества как системы ценностей, которая противопоставляется государству как системе уже воплощенных в праве ценностей. Прагматический подход подчеркивает важность конкретно-исторического контекста для корректного истолкования правовых норм и оценки целесообразности их применения. Общество динамично, ценности подвержены изменениям, но право как главное средство социального контроля и регуляции должно обеспечивать гармонизацию и баланс интересов. Т. Парсонс рассматривал право в контексте установления и сохранения социального порядка: легитимация нормативного порядка требует соотнесенности с ценностными паттернами, которые на общекультурном уровне выступают как моральные.

Иными словами, для эффективного функционирования правовая система должна отражать ценностные приоритеты общества, поэтому в **четвертом параграфе** была проведена **«Реконструкция ценностного “измерения” российского общества (на примере и по материалам проекта World Values Survey)»**, которые были дополнены данными российских исследований. Хотя ценностные приоритеты россиян меняются (например, в последние годы возросло значение достатка и образования, патриотизма и новаторства), «лидеры» ценностных рейтингов неизменны – семья и безопасность (социальная справедливость и защищенность) – на фоне сохраняющегося отчуждения от политической сферы. По результатам анализа данных трех волн проекта WVS (2006, 2011 и 2017), можно охарактеризовать стратегию взаимоотношений россиян с властью как уклонение от контактов с политикой при признании зависимости всех сфер жизни от государства. Для россиян приоритетны ценности частной жизни, а политическое участие и религиозность остаются на периферии смысловых ценностей. Соответственно, от государства россияне хотят, в первую очередь, гарантий безопасности – экономической (стабильность, борьба с ростом цен) и военной (оборонеспособность), но не жертвуя правом людей самим решать, что и как должно происходить в их частной жизни. Россияне патриотичны в том смысле, что доверяют «традиционным» опорам российского общества, считая безопасность важнее свобод на фоне стабильно-низких показателей субъективного благосостояния и высокого уровня общей тревожности. Р. Инглхарт и К. Вельцель полагают,

что Россия тяготеет к светско-рациональным ценностям и ценностям выживания, хотя с середины 2000-х годов наметился сдвиг в сторону традиционных ценностей, который очевиден в дискурсе высших государственных лиц.

Во **второй главе** на конкретных примерах показаны **«Дискурсивно-нормативные механизмы ценностного регулирования»** в российском обществе. В *первом параграфе* реконструирована **«Аксиологическая система государственных документов программно-стратегического типа»** – систематизированы ценностные декларации нормативно-правовых актов, формирующие официально одобренную и закрепляемую систему ценностных координат. В частности, рассмотрено ценностное содержание Конституции РФ, которое задает и легитимирует ориентиры государства, официально закрепляя ряд ценностных приоритетов как ключевые направления развития страны: сопоставлен ценностный комплекс основного закона страны до и после внесения поправок; охарактеризовано соотношение транслируемых ценностей с результатами социологических исследований. В аналогичном формате проанализированы «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (акцент на гражданском единстве и общероссийской идентичности), «Основы государственной культурной политики» (признается неотъемлемой частью стратегии национальной безопасности и провозглашается механизмом обеспечения культурного и гуманитарного развития как основы экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности; доминируют традиционные ценностные приоритеты), «Концепция государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (традиционная семья и родительство), «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» («традиционные ценности», определяющие приоритеты государства в воспитании подрастающих поколений) и др.

Во *втором параграфе* обозначены **«Ценностные акценты государственного дискурса»**. Поскольку обзор нормативно-правовых актов, фиксирующих государственную аксиологию, показал нормотворческое продвижение к комплексу традиционных ценностей, следовало сопоставить институционализированный государственный дискурс с устными выступлениями высокопоставленных чиновников (на официальных мероприятиях и в интервью). Учитывая разведывательный характер исследования, акцент был сделан на высказываниях, вызвавших общественный резонанс и широко освещаемых в массмедиа. Конкретные цитаты из выступлений руководства страны сопоставлены с релевантными нормативными актами и опросными данными (официальный государственный курс на традиционные ценности и их деятельную защиту от внешних западных ценностных угроз). В целом транслируемый президентом государственный курс на традиционные ценности поддерживается высказываниями высших должностных лиц (консерватизм, стремление к «духовно-нравственной стабильности») и запросами общества (на коллективизм и традиции). В параграфе представлен список ценностей и антиценностей, декларируемых высшими должностными лицами, составленный по результатам контент-анализа их официальных выступлений и медийных комментариев за период с 2007 по 2021 год.

В завершении параграфа приведены примеры публичных высказываний государственных должностных лиц, чей ценностный посыл выбивается из официального дискурса. Несмотря на активное декларирование традиционного ценностного комплекса в нормативно-правовых актах и программных выступлениях высших должностных лиц, статистические и социологические данные не подтверждают его «реализации», и причины тут не только объективные, но и дискурсивно-управленческие: об этом свидетельствуют, в частности, резонансные антиценностные высказывания госслужащих, хотя именно они обязаны транслировать и воплощать в жизнь декларируемую государством ценностную систему.

Соответственно, возникает вопрос о ценностных приоритетах самих государственных гражданских служащих – как «проводников» ценностного курса государства. В третьей главе **«Ценностные приоритеты государственных гражданских служащих в собственных и экспертных оценках: кейс-стади»** предложена модель социологической диагностики на основе сочетания контент-анализа нормативно-правовых документов, самооценок госслужащих и экспертного опроса. Структура третьей главы отражает реализацию этапов разведывательного исследования: в *первом параграфе* представлены результаты **«Контент-анализа “должного”**» – руководящих для Департамента нормативно-правовых актов: были табулированы ценности и «антиценности», регулирующие деятельность сотрудников. Перечень ценностей оказался значительно больше списка антиценностей, но приоритетов и проблем в деятельности Департамента, согласно нормативно-правовым актам, немного: в первом случае это самоценность государственной гражданской службы как таковой и следование установленным правилам и порядкам; во втором случае – конфликт интересов и коррупционные правонарушения, ведущие к утрате доверия к госслужащим.

На втором этапе исследования выявленные ценности и «антиценности» были включены в опросный инструментарий. Несмотря на предварительные договоренности, руководство сочло невозможным проведение «официального» сплошного опроса сотрудников, поэтому было опрошено лишь 20 человек – по личным договоренностям и на условиях анонимности.

Третий этап исследования состоял в опросе экспертов – 39 человек высказали свое мнение о ценностях российских чиновников на основе непосредственного опыта взаимодействия с ними (в ходе решения конкретных задач, а не опираясь на стереотипы общественного мнения). Учитывая специфику профессиональной деятельности экспертов, в инструментарий опроса были включены «антиценности» из основных нормативно-правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность.

В заключительном *параграфе* диссертационной работы охарактеризовано **«Соотношение “самооценки” и внешней экспертной оценки государственных гражданских служащих»**. В целом госслужащие приписывают российскому обществу в качестве приоритетных небольшой блок ценностей, воспроизводя декларации государственных программ и высших должностных лиц, тогда как эксперты (пусть особая, но все же группа населения) значительно расширяют список, включая в него и патриотизм, и личные права и свободы, и успех и бла-

гополучие, и материальные блага. Схожим образом госслужащие и эксперты характеризуют антиценности общества: первые говорят об эгоизме и его конкретных проявлениях, вторые называют больше антиценностей и считают эгоизм столь же важной проблемой, как коррупцию. Обе группы солидарны в том, что сегодня часто трудно решить, каким моральным нормам следовать: госслужащие говорят о преобладании скорее традиционных ценностей, а эксперты – светско-рациональных. Причем госслужащие считают, что государство должно более активно и эффективно продвигать традиционные ценности (через СМИ, культурные мероприятия, общенациональные праздники и т.д.), но пока из государственной риторики им запомнилась лишь приоритетность патриотизма.

Ценности традиционной направленности, перечисленные в нормативно-правовых актах, важны для обеих групп, за исключением ценностей религиозно-духовного характера и коллективизма. Признавая важность законодательно закреплённых ценностей традиционного характера, госслужащие констатируют неполное их «усвоение» обществом, т.е. считают риторику и нормотворчество российской власти по устранению ложных ценностей и продвижению традиционных российских ценностей не вполне эффективной. Мнение экспертов и госслужащих совпадает и в том, что жизнь российского общества не вполне поддается правовому регулированию, и законы служат не народу, а тем, кто их пишет, регламентируя взаимоотношения государства и общества.

Как и предполагалось, эксперты критично воспринимают чиновников, полагая, что постоянная их забота – собственная защищенность и репутация на фоне участия в коррупционных практиках (это более важная проблема, чем ненадлежащее исполнение обязанностей и законодательных требований к госслужащим). Фактически единственное совпадение представлений экспертов и чиновников о госслужащих – приоритетность «защищенности госслужащих», что говорит о «сословно-кастовом» характере чиновничества.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях автора**

В изданиях, включенных в Перечень РУДН

1. *Рындина А.С.* Крупномасштабные исследования ценностей: возможности и ограничения // Теория и практика общественного развития. 2021. №6. С.63-69.
2. *Рындина А.С.* Истоки теории ценностей в социологии и направления ее развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т.21. №3. С.590-609.
3. *Рындина А.С.* Аксиология Конституции России как элемент управленческого воздействия // Теория и практика общественного развития. 2017. №6 // <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.6.6>.

В других изданиях

4. *Рындина А.С.* Нормативно-правовые основы образовательного процесса в России // Медицинская сестра. 2017. №4. С.52-56.
5. *Рындина А.С.* Понятие «ценность» в социологии и особенности эмпирического изучения ценностных ориентаций // Актуальные вопросы социологической науки: теория, методология, практика: Материалы ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Под ред. Н.П. Нарбута, Т.И. Лариной. М.: РУДН, 2018.
6. *Рындина А.С.* Ценностный потенциал религиозных институтов в современной России // XIII Фестиваль науки в Москве / Под ред. В.Б. Петрова, О.В. Филатовой, В.А. Цвыка. М.: РУДН, 2018.

Рындина Анастасия Станиславовна

Нормативно-дискурсивные аспекты воздействия на ценностные приоритеты: соотношение «экспертных» и обыденных представлений

В диссертационном исследовании решается задача сопоставительного анализа трех групп ценностей – закрепленных в нормативно-правовых актах, приоритетных для государственных служащих и устойчивых в российском общественном сознании. Для решения этой задачи автор уточняет категориальный аппарат социологического анализа аксиологической проблематики в управленческом контексте; обосновывает формат социологического анализа ценностных приоритетов через нормативно-правовую «оптику»; предлагает модель социологической диагностики рассогласования нормативно-декларативных идеалов и ценностных приоритетов общественного сознания, включая оценку «промежуточного» звена между ними (общих и профессиональных ценностных ориентаций государственных гражданских служащих); формулирует гипотезы о причинах рассогласования декларируемого/должного в нормативно-правовых документах с ценностными приоритетами населения, которые были частично проверены (подтверждены) в разведывательном исследовании; представляет и интерпретирует результаты разработанного и апробированного формата экспертного опроса – для сопоставления самооценки и внешней оценки государственных служащих как «проводников» официального ценностного курса.

Anastasiia Stanislavovna Ryndina

**Normative-discursive aspects of the influence on value priorities:
the relation of 'expert' and public-opinion notions**

The thesis focuses on the comparative analysis of three groups of values – declared in legal acts, priority for civil servants, and sustainable in the Russian public opinion. To conduct such an analysis, the author clarifies the categorical apparatus of the sociological analysis of axiological issues in the management perspective; develops a format of the sociological analysis of value priorities through the normative-legal 'lens; suggests a model of the sociological diagnostics of differences between normative-declarative ideals and value priorities of public consciousness, including an assessment of the 'intermediate' link between them (general and professional value orientations of the public civil servants); makes assumptions about reasons for the differences between what is declared/due in legal documents and the public-opinion value priorities, which were partially tested (confirmed) in an exploratory study; presents and interprets the results of the developed and tested format of an expert survey for the comparison of self-assessment and external assessment of civil servants as 'guides' of the official value course.